

ІСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧНІ АСПЕКТИ ЛІТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕСУ

УДК 82.0.808.1

В.В. ФЕДОРОВ,

*доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой русской литературы
Донецкого национального университета*

ЧТО ПРОИСХОДИТ С ПОЭТОМ ПЕРЕД НАЧАЛОМ ЕГО ПОЭТИЧЕСКОГО БЫТИЯ?

В статье исследуется специфика литературного произведения как события поэтического бытия. Анализируются процессы отражения и сотворения действительности в художественном произведении. Определяется роль воображения в творческом акте сотворения и отражения действительности.

Ключевые слова: событие поэтического бытия, субъект / объект воображения, фабульная действительность, лирический субъект, поэт, повествователь, субъект превращенно-словесного бытия.

Данный вопрос легко заподозрить в некорректности, поскольку, с нашей точки зрения, событие поэтического бытия, будучи превращенным: словесным по типу и непрямым по способу осуществления вследствие этого осуществляется через событие жизни. Это событие совершается в жизненно-прозаической (фабульной) действительности совокупными усилиями фабульных персонажей. Событие жизни, например, в романе Пушкина «Евгений Онегин» начинается сразу – с монолога Онегина о своем дяде. К этому моменту уже есть большая дорога с ее неперменным спутником – пылью, карета, сам Онегин и вообще вся та действительность, в которой есть не только Москва и Петербург, поместья Онегина, Ленского и Лариных, но и «Лондон щепетильный», Брента, туманная Германия, Геллеспонт с плывущим по нему лордом Байроном и проч. Указав на этот несомненный факт, мы лишь зафиксировали его. Однако он вовсе не является «само собой разумеющимся». Д.С. Лихачев в своей старой, но не устаревшей, статье «Внутренний мир художественного произведения» утверждает, что та действительность, в которой существуют действующие лица, является не «отраженной», но «сотворенной» [1]. Акт творения должен во всяком случае предшествовать событию жизни. Даже у Бога этот акт занял целый день. Ясно, что «внутренний мир» создается автором не «предварительно»: его нельзя считать подготовленным к моменту начала события жизни как практической формы превращенного бытия поэта. В рабочих тетрадях Достоевского мы не найдем задания создать вязкое пространство, в котором было бы трудно передвигаться.

Если Д.С. Лихачев прав, и фабульная действительность сотворена, возникают, по крайней мере, два взаимосвязанных вопроса: каким образом это происходит и когда? Поэт – прежде всего субъект воображения, или воображающий. Воображающий – особый относительно жизненного существа субъект. Воображение – не специфическая способность человека, отличающая его от животных, но вынужденный со стороны воображающего акт. Воображающий – субъект внежизненного бытия, вследствие чего он оказывается перед необходимостью существовать превращенным образом – через существование тех, в кого

или чем он себя вообразил и тем самым превратил. Вместе с субъектом жизненного (животного) существования он формирует «целое человека» (термин М.М. Бахтина). Человек, которого мы считаем одним субъектом, только наделенным сравнительно с животным «дополнительными» свойствами (в том числе воображением), есть на самом деле «единое в трех лицах»: целое человека, собственно человек (воображающий) и субъект отвлеченно жизненного существования (животное). Таким образом, Пушкин – не субъект жизненного существования, а «целое Пушкина», в состав которого входит Пушкин-поэт и Пушкин – субъект животного существования. «Целое человека» – это, конечно, особая и весьма сложная проблема, которую мы теперь не рассматриваем, но считаем необходимым постулировать существование этого субъекта.

В отличие от просто воображающего, поэт является субъектом не языкового, но словесного по типу бытия. Вследствие чего он воображает и превращает себя сначала в субъект языкового бытия, а через него – в совокупность фабульных персонажей и жизненно-прозаическую действительность, в которой они пребывают и осуществляют событие жизни. В литературном плане субъект языкового бытия является повествователем, в драматическом – исполнителем, в лирическом – лирическим субъектом. Отличие поэта от не-поэта, как видим, является онтологическим по своему характеру. Поэт – не тот, кто овладел суммой умений и навыков, позволяющих ему писать литературные произведения, но тот, кто осуществляет человеческое по своему онтологическому качеству бытие в максимально возможной для него степени напряженности. Поэтов мало, людей же, овладевших поэтическим искусством, весьма значительное количество. Но мы теперь говорим не о них.

Высказывание повествователя, учитывая сказанное выше, следует рассматривать не как искусное высказывание на «общерусском» языке, но как свободное высказывание на языке, созданном Пушкиным-поэтом. Таким образом, высказывание повествователя – это «не еще одно» высказывание на общерусском языке, но единственное высказывание на языке, сотворенном Пушкиным. Точнее, поэт создает особую (языковую) онтологическую форму, которая становится основой для языка-речи. Повествователь как субъект *бытия* осуществляется языковой формой, производной от словесной, в качестве субъекта речевой *деятельности* повествователь становится субъектом высказывания. Отличительные особенности языка, на котором высказывается повествователь, легко принять за особенности самого высказывания. Но, например, лирический субъект является субъектом высказывания, очевидно отличным от высказываний на общерусском (национальном) языке. Но в том и другом случае – это не особенные высказывания на одном и том же (общерусском) языке, а два высказывания на двух различных языках. Язык, созданный Пушкиным как автором «Евгения Онегина» является языком, принятым для общения между фабульными персонажами, и этим языком пользуется как Владимир Ленский, который в качестве поэта мог отличить ямб от хорея, и няня Филиппьевна, которая даже слов таких не знала, но четырехстопный ямб является таким же объективным признаком ее речи, как и речи других, более образованных персонажей. Двусложная стопа с ударением на втором слоге есть объективный признак языка-речи, которым владеют все персонажи безотносительно к их просвещенности в области версификации.

Субъект языкового бытия воображает и превращает себя в телесную – жизненно-прозаическую – действительность. Совокупность телесных форм организуется в телесную действительность, не отражающую (не воспроизводящую) телесную действительность Пушкина как субъекта жизненного существования, но онтологически производную от субъекта языкового бытия. Особенности фабульной действительности «Евгения Онегина» объясняются онтологическими особенностями языковых форм, превращающихся именно в такие телесные формы, в какие способны превращать себя языковые формы.

Итак, Пушкин-поэт является субъектом превращенно-словесного бытия, вследствие чего он осуществляет себя через бытие языкового субъекта, который, в свою очередь, осуществляется через существование фабульных персонажей и фабульной действительности. Таким образом, мы ответили на первый вопрос: фабульная действительность появляется (происходит) вследствие акта воображения: субъект ближайшим образом языкового бытия воображает/превращает себя в эту действительность и пребывающих в ней субъектов разнообразного телесного существования.

Теперь мы должны ответить на второй вопрос: когда это происходит? Актуальность вопроса объясняется все той же причиной: бытие поэта начинается сразу, следовательно, наш вопрос: «Что происходит в промежутке между ситуациями «Пушкин – не-поэт» и «Пушкин-поэт»?» некорректен. Попробуем все же показать, что у него есть основание. Субъект языкового бытия воображает и превращает себя в телесную – пространственно-временную – действительность. Это – самостоятельная ситуация – в том смысле, что в ней осуществляется *только* превращенное бытие языкового субъекта. Сейчас, в этом именно состоянии языкового субъекта, фабульная действительность не обладает *своим* существованием: оно полностью направлено на осуществление бытия языкового субъекта.

Фабульная действительность не является особой сферой сразу, она не создается как самостоятельная, ее необходимость заключается в том, что она осуществляет онтологическую функцию – быть практической формой превращенного бытия языкового субъекта (а через него – поэта). Можно утверждать, что в известном смысле фабульной действительности в рассматриваемой ситуации нет, а есть *только* языковой субъект в своем актуальном превращенном состоянии. «Известный смысл» состоит в том, что фабульной действительности нет как особой, специфической, т. е. как отвлеченно телесной, величины. Языковой субъект и телесная сфера соотносятся как творящий (воображающий) и творимая (воображаемая) действительность. Этот тип связей и отношений символизируется вертикальной линией. Фабульная действительность в пределах вертикальных связей и отношений не является особой величиной – со своим собственным типом существования, своими целями и способами их достижения.

Однако фабульная действительность *становится* особой сферой. Эта самостоятельность (относительная, разумеется) *достигается*, а не прямо осуществляется субъектом языкового бытия. Самостоятельность фабульной действительности обусловлена ее отчуждением от языкового субъекта и онтологической изоляцией от него. Фабульная действительность «закрывается» от языкового субъекта пространством и временем и образует особую – телесную – сферу, в которой высшей формой существования является жизнь. Таким образом, фабульная действительность получает определенную онтологическую самостоятельность потому, что она отрешается от первичного субъекта бытия и изолируется от него. Фабульная действительность не является самобытной сферой: у нее нет собственно источника бытия, поэтому она вынуждена онтологически паразитировать на субъекте языкового бытия. Это отрешение и изоляция является результатом «своеволия» жизненной действительности: она отделяется от субъекта языкового бытия и как бы декларирует свою суверенность.

Итак, фабульная действительность «происходит» в результате своего рода онтологического предательства субъекта языкового бытия, отделения от него и ухода в специфическое существование. Языковой субъект относительно фабульной действительности как сферы специфически телесного существования определяется теперь не как «творящий», но как «творец», т.е. становится также суверенным – относительно суверенной фабульной действительности – субъектом, именно творцом, создателем – тем, кто сотворил эту действительность и позволил ей отложиться от себя.

Фабульная действительность есть результат некоторого события, которое предшествует, таким образом, ее возникновению, но это особенная ситуация предшествования, т. е. не предшествование во времени, а предшествование самому времени: вне (сверх) время предшествует времени, вне (сверх) пространство – пространству. Время и пространство появились вместе с появлением фабульной действительности, и ее появлению/происхождению предшествовали события, явившиеся причиной возникновения в частности пространства и времени как онтологических условий специфически телесного существования, совершающегося в жизненно-прозаической действительности.

Однако поэт с этим фактом не смиряется, но предпринимает попытку снова вовлечь ее в сферу своего поэтического бытия – уже в качестве особой (и особенной). Каким образом это достигается? – При помощи субъекта, которому М.М. Бахтин присваивает термин «целое героя» [2, с. 15]. Целое героя – онтологическая общность, включающая в себя фабульного персонажа (субъекта специфически жизненного, «фабульного» существования) и эпического (драматического, лирического) героя – субъекта, осуществляемого поэтиче-

ским целым (термин М.М. Бахтина). Целое героя – это, разумеется, не «место», в котором сосуществуют фабульный персонаж и эпический герой, а первичный относительно них субъект. Целое героя, таким образом, – это «единое в трех лицах»: целое героя, эпический герой и фабульный персонаж.

Целое героя – результат *третьего* события, совершившегося в поэте до начала события жизни, осуществляющегося в фабульной действительности. Раскрывая роман Пушкина, читатель воспринимает его как начало бытия Пушкина-поэта. Однако самый факт существования Онегина есть результат событий, совершившихся в Пушкине, становящемся поэтом.

Подведем предварительный итог. *Первое* событие: Пушкин воображает и превращает себя в жизненно-прозаическую (фабульную) действительность и становится субъектом превращенно-словесного бытия. *Второе* событие: фабульная действительность отрешается от поэта и становится особой сферой, в которой совершается специфическое в онтологическом плане существование – жизнь. *Третье* событие: Пушкин-поэт возвращает фабульную действительность в свое бытие, но уже как особую сферу; формируется целое героя, осуществляемое поэтическим целым, которое образуется вместе (одномоментно) с поэтическим целым.

Относительно отделения фабульной действительности от поэта и ее «сворачивания» в особую онтологическую сферу нужно сказать следующее: это нужно рассматривать как *поступок*, и поступок предательский. Отложение от поэтического бытия и желание собственного существования является таким поступком, который по отношению к поэту является (характеризуется) как неэтический, т. е. содержащий в себе нечто недолжное. С одной стороны, это поступок, недолжный относительно поэта: я не с тобой, у меня свое существование; с другой этот поступок приводит в активное состояние поэта, который стремится теперь возратить «беглеца» (как «блудного сына») и для этого формирует целое героя.

Описанные события происходят до начала телесного существования, до начала жизни и являются (в частности) причиной жизни. И хотя в жизненно-прозаической (фабульной) действительности событие жизни начинается как вполне конкретное: это не жизнь вообще, а весьма своеобразная жизнь Онегина, приехавшего в полученную по наследству от дяди деревню, встретившего в деревенской глуши Владимира Ленского и проч. Это весьма конкретная история, не претендующая на то, чтобы ее признавали как судьбоносную или хоть как просто значительную. Это весьма обыкновенная (и даже тривиальная) жизнь, и те коллизии, которые в ней встречаются, не содержат ничего, что придавало бы им особую значимость. С другой же стороны, если принять во внимание те события, которые были замечены и отмечены, то речь в пределах той основной ситуации, в которой пребывает поэт, идет о том, что жизнь как форма существования появляется в результате какого-то нарушения, и это нарушение было намеренным, т.е. если и не было принято сознательно, то, во всяком случае, отвечало некоторой онтологической предрасположенности, которая в этом событии и удовлетворяется. У жизни, возникшей таким образом, т. е. в результате отхода от поэтического бытия (предательства). Должно остаться чувство вины перед поэтом.

Жизнь, сформировавшаяся как особенный (специфический) тип бытия (как телесный и такая его разновидность, как жизнь), совершающаяся в особенной же онтологической сфере, продолжающей сохранять свою онтологическую изолированность от целого, «забывает» о своем происхождении, и с течением времени перестает ощущать свои границы и ситуацию своего происхождения/возникновения. Она перестает ощущаться как специфическая и признается в качестве высшей формы существования. По мере удаления от своего источника (ситуации отрешения от поэтического бытия) актуальность первичной ситуации утрачивается, и жизнь в представлении ее субъектов является особенной, именно высшей формой бытия, которой удостаивается человек, в которой (через которого) жизнь достигает своего высшего состояния, обогащаясь духовным элементом. Никакого чувства вины субъект жизненного существования (фабульный персонаж) не переживает, и если он признает существование творца, то основное чувство, которое человек к нему испытывает, – это чувство благодарности.

Поэт – субъект превращенно-словесного бытия. Это бытие (и поэт как субъект бытия) является исключительным, и исключительность его проявляется в том, что все происходящее со Словом до того «начала», о котором говорит св. Иоанн, происходит в нем и с ним. Он переживает ситуацию происхождения фабульной действительности и происхождения жизни, и в нем жизнь не отходит от ситуации своего происхождения на расстояние, снимающее онтологическую тревогу субъекта жизни, а как бы существующего жизненно в присутствии покинутого целого.

Поэт, с одной стороны, воображает и превращает себя в специфическую форму (жизненного) существования: жизнь, которую ведут действующие лица романа Пушкина «Евгений Онегин», – это жизнь поместного и столичного дворянства, т. е. весьма специфическое жизненное существование сравнительно с той, которая ей предшествовала, и той, которая наступит позже («наша сегодняшняя жизнь» в том числе). С другой же стороны, по причине причастности целого героя к внежизненному типу бытия, жизнь как *тип* существования обнаруживает свою онтологическую специфичность – не как исторически конкретная сравнительно с предшествующей и последующей – тоже жизнью, но онтологически конкретизированную жизнь (по сравнению с внежизненным бытием) как произошедшую преступным путем (через онтологическое предательство поэтического целого), что внушает ему чувство вины за преступление (своеобразное, конечно), которое он персонально не совершал. Следует добавить, что с субъектом жизни происходит то же, что с жизнью как способом существования.

Подобно тому, как специфика жизни, обусловленная временем и местом, заслоняет онтологическую специфику жизни как типа существования, так и своеобразие субъекта жизни (обусловленную этнически, социально и под.), заслоняет его своеобразие как субъекта, существующего жизненным образом. Итак, следует выделить саму жизнь как высший тип телесного существования, осуществляемого субъектом, для которого жизнь является свойственной ему формой бытия, и огромное количество жизненных спецификаций, обусловленных временем и пространством, различными ситуациями, формирующимися в событии исторически определенной жизни, жизнь средневекового крестьянина в Англии и русского барчука в середине XIX в. и под.). Специфика второго рода заслоняет специфику первого рода, жизнь «специфицируется» внутри себя по различным основаниям. Происхождение жизни как определенного типа бытия рассматривается исключительно в пределах телесного рода существования как результат эволюции.

Существование поэта и его бытия восстанавливает исходную ситуацию, сближает (концентрирует) ситуации, отдаленные друг от друга временем, вследствие чего жизнь и сфера жизненного существования оказывается «вправленной» в ситуацию с другими ориентирами. Отданность этой фундаментальной онтологической ситуации перестает быть актуальным фактором, поэт – просто по причине своей онтологической активности – как субъект превращенно-словесного бытия – претерпевает все те ситуации, которые претерпело Слово как первичный субъект бытия, вследствие чего для поэта оказывается актуальной первичная ситуация. Поэт оказывается онтологически и ценностно подготовленным к тому, чтобы разрешить конфликт, причиной которого является его превращенное (=поэтическое) состояние. Это состояние не просто «может быть» безотчетным, поэт просто ощущает себя поэтом, он только осуществляет поэтическое бытие, ситуации, которые оно формирует (не уклоняется от требований поэтического бытия), и как субъект бытия другого типа, осуществляемого в другой сфере, с другим типом конфликта, являющимся для него актуальным, – все это принимается и не отрицается на основании их онтологической и ценностной инаковости.

Поэт не теряется в многообразии жизненных ситуаций, заслоняющих ситуацию соотношения жизни и типа бытия, жизнью не являющегося, но имеющего к нему отношение, не просматриваемого «из жизни». Онегин как субъект существования, характерного для «золотой молодежи» первой четверти XIX века в России, может не чувствовать за собой никакой вины за свои социальные и прочие привилегии, может эту вину чувствовать, но именно в пределах внутрижизненного онтологического контекста. Онегин как субъект *жизни*, т. е. такого типа существования, который отличается от поэтического бытия, ощущает свою он-

тологическую вину за то, что фабульная – жизненно-прозаическая – действительность отделилась от поэтического целого и тем самым ему себя противопоставила.

В свою очередь, это чувство вины есть практическая форма ощущения своей виновности Пушкиным как субъектом жизненного существования. Пушкин как субъект жизненного существования ориентирован относительно других субъектов жизненного существования как ближайшего окружения, так и в каком угодно объеме жизненного существования. Он не покидает жизненной сферы, не выходит из жизненного существования. Относительно себя как поэта он ориентирован иначе, а именно как субъект жизни, получившейся, произошедшей в результате отказа от словесного по типу бытия, по причине желания «своего собственного» существования. По этой причине он чувствует себя онтологически покинутым, и чувство вины является своего рода залогом неокончателности этой покинутости, но вместе с тем и фактором онтологической и ценностной активности.

Здесь возникает вопрос, не лишенной некоторой остроты: а не фантазирует ли автор статьи? Это можно проверить. Обратимся к ситуации вражды между Онегиным и Ленским, вспыхнувшей внезапно и закончившейся дуэлью. Пушкин-повествователь тщательно приводит очевидные доводы о мнимости тех мотивов, которые самому себе приводит Ленский, убеждая себя в виновности Онегина. Однако дуэль состоится – к тому же с нарушениями дуэльного кодекса. Словом, Пушкин позаботился о том, чтобы скомпрометировать все более или менее разумно обосновываемые мотивы как возникновения ситуации дуэли, так и ее осуществления. Таким образом отводится фабульная (жизненно-прозаическая) мотивация поединка, и тем более становится значимой собственно поэтическая. Пушкин намеренно устраняет жизненные причины, чтобы «обнажить» настоящую, хотя обычно поэтическая ситуация осуществляет себя (и тем самым проявляет) через посредство фабульной. Она-то и воспринимается как последняя и настоящая, делая ненужными все дальнейшие поиски.

Конкретизируется поэтическая причина («наследственность» вражды Онегина и Ленского) в «страшном, непонятном сне» [3, с. 161], приснившемся Татьяне. В нем Онегин и Ленский противостоят друг другу как бес и ангел. Эта расколотовость поэтического мира, доведенная до антиномичности (и персонифицированная в действующих лицах) соотносится с Татьяной как автором вторичной фабульной действительности (сон), а ее онтологическое состояние – с потребностью в любви как высшей человеческой ценности. В этой ситуации мы встречаемся с такими субъектами, которые, будучи деятелями, осуществляющими событие поэтического бытия, не являются вместе с тем жизненно-прозаическими лицами; во-вторых, фабульная действительность выступает здесь как место, в котором сталкиваются антиномичные эпические герои, преобразованные телесными формами в жизненно-прозаические существа. Эти существа определить как ангела и беса можно лишь условно-оценочно, что лишает их действительно им принадлежащего статуса. Пушкин, напротив, фиксирует отсутствие жизненных мотивов для дуэли, тем самым освещая то поэтическое целое, в котором разворачивается поэтическое событие. В этом событии активное участие принимают Онегин-бес и его антипод (положительный двойник) – Ленский-ангел.

В поэтическом целом – другие ориентиры, другие ценности и другие цели, к которым человек фактически причастен; его бытие, становящееся поэтическим в ситуации онтологического восприятия Пушкина-поэта делает эту причастность актуальной. Тем самым человек (вслед за Пушкиным-поэтом) оказывается причастным и к тем ситуациям, которые он персонально никогда не переживал. Рассматриваемая в настоящей работе ситуация является одной из важнейших.

Список использованной литературы

1. Лихачев Д.С. Внутренний мир художественного произведения / Д.С. Лихачев // Вопросы литературы. – 1968. – № 8. – С. 74–87.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества: монография / М.М. Бахтин. – М.: Искусство, 1986. – С. 9–191; 404–412.
3. Пушкин А.С. Евгений Онегин / А.С. Пушкин. – М.: ЭКСМО, 2005. – 383 с.

У статті досліджується специфіка літературного твору як події поетичного буття. Аналізуються процеси відображення та створення дійсності в художньому творі. Визначається роль уяви у творчому акті створення та відображення дійсності.

Ключові слова: подія поетичного буття, суб'єкт / об'єкт уяви, фабульна дійсність, ліричний суб'єкт, поет, оповідач, суб'єкт перетворено-словесного буття.

The article investigates the peculiarities of a literary work as a phenomenon of poetic being. It analyses the processes of reflecting and constructing of reality in a literary work and defines the role of imagination in the creative act of constructing and reflecting of reality.

Key words: phenomenon of poetic being, subject / object of imagination, plot reality, lyrical subject, poet, narrator, subject of transformed verbal being.

Надійшло до редакції 8.02.2011.